

Глава Первая,

*В Коей Представлен Дворец Королевы Глорианы
Вкупе с Описанием Иных Его Обитателей
и Кратким Изложением Всяческих Деяний,
Имевших Место во Граде Лондоне в Канун Новогодья,
Завершавшего Двенадцатый Год Правления Глорианы*

Дворец размерами схож с порядочным городом, ибо на протяжении столетий его флигели, его домики для челяди и дома для гостей, особняки его камергеров и фрейлин соединялись крытыми переходами, а крытые переходы своим чередом обзаводились крышами, так что мы всюду находим коридоры внутри коридоров, будто водоводы в туннеле, дома внутри залов, а залы — внутри замков, а замки — внутри искусственных гротов, целокупность же сего опять обнесена кровлей из черепицы золотой, серебряной и платиновой, мраморной и перламутровой, отчего дворец сияет тысячью цветов на солнце, мерцает неустанно под луною, стены его колеблются как бы волнообразно, крыши его взмывают и ниспадают чарующим приливом, башни его и минареты его дыбятся мачтами и остовами погибших кораблей.

Внутри дворец редко бывает тих; сюда прибывают и отсюда отбывают высшие дворяне и дворянки в парче, шелке и бархате, в цепях золотых и серебряных, с филигранными стилетами, в белоснежных вертугальях, со струящимися позади мантиями и шлейфами, порою под-

держиваемыми мальчиками и девочками в нарядах столь весомых, что, кажется, они еле шагают. Из более чем одного места доносится выверенная, изысканная музыка, в такт коей ступают и знать, и прислуга. В иных холлах и залах репетируются маскарады и спектакли, даются концерты, пишутся портреты, эскизируются фрески, ткуются гобелены, вырезаются каменные скульптуры, декламируются стихи; там же волочатся, совокупаются, ссорятся с пылом, обычным для недр подобных вселенных. А в забвенных пространствах между стен живут питаемые падалью обитатели сумеречья: бродяги, опальные слуги, забытые любовницы, соглядатаи, отторгнутые обществом сквайры, дети любви, изуродованные, брошенные шляхи, слабоумные родственники, отшельники, безумцы, романтики, что приемлют любые муки ради нахождения близ источника власти; беглые заключенные, разорившиеся пэры, стыдящиеся показаться в нижнем городе, отвергнутые ухажеры, уклоняющиеся мужья, гонимые страхом влюбленные, банкроты, хворые и завистники; все они живут и грезят поодиночке или отдельными сообществами с четко означенными территориями и обычаями, обитая раздельно с теми, кто населяет ослепительно освещенные холлы и коридоры дворца в собственном смысле слова, и все же бок о бок с ними, но почти не подавая признаков жизни.

Под дворцом распростерся великий город, столица Империи, полная злата и славы, обитель авантюристов, купцов, виршеплетов, драматургов, чародеев, алхимиков, механиков, ученых, философов, ремесленников любых мастей, сенаторов, книжников — здесь имеется неимоверный Университет, — богословов, живописцев, актеров, пиратов, ростовщиков, разбойников, танцоров, музыкантов, астрологов, архитекторов, жестянщиков, рабочих, что трудятся на исполинских дымящих мануфактурах на окраинах столицы Альбиона, пророков, иноземных парий, дрессировщиков, миротворцев, судей, ле-

карей, щеголей, кокеток, знатных дам и благородных лордов; все вместе мельтешат они в городских пивных, трактирах, театрах, операх, корчмах, концертных залах; здешние судилища, виноторговые дома и созерцательные площадки, являя взору парады фантастических костюмов, любой ценой избегают единообразия, так что и остроты городских сорванцов жалят не слабее изысканнейшего рассуждения сельского лорда; плебейская речь беспризорников сочится метафорами и уснащается аллюзиями до такой степени, что древний стихотворец продал бы душу, чтоб заговорить языком лондонского подмастерья; однако же речь сия практически непереводаима, она таинственнее санскрита и меняет формы день ото дня. Моралисты порицают такие обычаи, хулят нескончаемый спрос на пустую новизну ради новизны и утверждают, что грядет декаданс, неизбежный итог падкости до острых ощущений, но требование необычного от художников, хоть и означающее заведомо, что худшие из них будят лишь ощущения свежие и неглубокие, понуждает лучших творцов пламенить собственные пьесы глаголением и живым, и витиеватым (ибо они знают, что будут поняты), деяниями и мелодраматическими, и невероятными (ибо они знают, что им поверят), дискуссиями почти по всякому вопросу (ибо многие станут за ними следить), и ровно таким же манером действуют лучшие музыканты, поэты, философы — не исключая безыскусных прозаиков, кои требуют признать законорожденность своего откровенно низкосортного искусства. Если коротко, наш Лондон бурлит на всяком уровне; мы вольны подозревать, что и его паразиты способны к речи, так что блоха переговаривается с блохой в рассуждении, конечно или бесконечно число собак во вселенной, крысы же глубокомысленно пререкаются о том, что случилось раньше, пекарь или хлеб. А там, где язык пламенеет, поступки следуют его примеру, и поступки равным образом окрашивают язык. В сем городе совершаются великие

подвиги во имя Королевы, чей дворец взирает на сии подвиги свысока. Отправляются в путь экспедиции, вершатся открытия. Изобретатели и исследователи обогащают Державу: в город впадают реки-близнецы, имя первой — Знание, другой — Золото, и озеро, что образуют они, есть вещество Лондона, перемешавшее в себе две равных части. Здесь и раздоры, само собой, и злодеяния: страсти сильны и пьянящи, преступления жестоки и кошмарны, ибо ставки безмерно высоки; алчба колоссальна, честолюбие сделалось Верой для избыточно многих — дурман, болезнь, чаша неосушаемая. Но немало здесь и познавших добродетели богатства; просвещенных, человечных, милосердых, великодушных; блюдущих требовательнейший стоический обычай; выказывающих благородство и служащих примером для подражания ближним, как богатым, так и бедным; высмеиваемых за серьезность, поносимых за смиренность, завистуемых за самодостаточность. Пышным благочестием зовется иногда образ жизни таких людей, и некоторые из них воистину таковы — лишённые юмора, лишённые иронии. Сии горделивые князьки и промышленные бароны, авантюристы-коммерсанты, жрецы и книжники следуют правилам, но, тем не менее, остаются индивидами — даже эксцентриками, — хотя все готовы служить Народу и Империи (в лице Королевы) и не постоят за расходом, даже, если потребует, расстанутся с жизнью; ибо Государство Всеобщее и Королева Праведна. Лишь вторым делом мужчина и женщина совещаются по какому-нибудь вопросу со своей совестью, ибо полагают любые личные решения подчиненными нуждам Государства.

Так в Альбионе было не всегда, и никогда еще дела не обстояли так, как ныне, в правление Глорианы; ибо те, кто не щадя усилий хранит обширное Содружество в равновесии, превращает его в единый организм, хранит его устойчивость, — все они верят, что равновесие сие поддерживает единственная сила: Сама Королева.

Круг Времени провернулся: от золотого века к серебряному, от медного к железному — а теперь, с Глорианой, обратно к золотому.

Глориана Первая, Королева Альбиона, Государыня Азии и Девствии, есть Владычица возлюбленная и почитаемая богиней многими миллионами подданных — и вселяющая восторг и уважение в сердца куда более множественных миллионов по всему земному шару. Для теолога (кроме радикальнейших) она — единственный представитель богов на земле, для политика — воплощение Государства, для поэта — Юнона, для простолюдина — Мать; любовь к ней единит святого и злодея. Если она смеется, Держава радуется; если плачет, Народ горюет; если возникнет у нее нужда, миллионы вызовутся удовлетворить ее; если воспыхает она гневом, многие придут, дабы свершить возмездие над его причиной. И оттого на плечи Глорианы ложится почти невыносимая ответственность: Оттого она обязана всякий аспект жизни подчинять дипломатии, не выказывая ни чувства, не выражая ни требования и относясь уравнительно ко всем просителям. В ее Правление не было ни казней, ни самовольных заточений, продажные слуги народа неутомимо отыскивались и отставлялись, суды и трибуналы отправляют правосудие над нищими и сильными мира сего без разбора; многие из погрешивших против буквы закона освобождаются, если обстоятельства их злочинств таковы, что невиновность очевидна — так успешно упразднена несправедливость Закона Прецедента. В городе и на лугу, в деревне и на мануфактуре, в столице и в колонии равновесие поддерживаемо личностью благородной и человеческой Королевы.

Глориана, единственный ребенок Короля Герна VI (депота и дегенерата, предавшего Государство и изменившего долгу, повелевшего отсечь сотни тысяч голов, трусливого губителя своей души), Властительница, в чьих жилах течет древняя кровь Эльфикля и Бругия, ниспровергшего

Гогмагога, ни на миг не забывает о любви к ней подданных и возвращает их любовь; однако чувство сие, даруемое и принимаемое, для Королевы бремя — бремя столь великое, что она едва ли признаёт его наличие; бремя, составляющее, надобно думать, основную причину ее неизменного частного горя. Не то чтобы Держава не ведала о сем горе; о нем шепчутся в Великих Домах и простых трактирах, поместьях и семинариях, и поэты в стихах смутно намекают на него (без ехидства), и иноземные враги размышляют, как использовать его в своих интересах. Старинная молва называет его Проклятием Ее Величества, а ряд метафизиков утверждает, будто оно отражает Проклятие, лежащее на человечестве в целом (или, может статься, конкретно на жителях Альбиона, если метафизик желает заработать симпатию-другую провинциалов). Многие пытались снять Проклятие с Королевы, и Королева поощряла их; никогда не теряет она надежды. Были испробованы сильнодействующие и фантастические средства, но без успеха; Королева, шепчет молва, еще горит; Королева еще стонет; Королева еще рыдает, ибо не может вкусить радостей плоти. Даже вечные балагуры в пивных не острословят на сию тему; даже пуританнейшие, фанатичнейшие проповедники не извлекают морали из ее страданий. Мужчины и женщины умирали гротескными смертями (хотя и без ведома Королевы), дабы пролить свет на Королевское Затруднение.

День за днем Королева Глориана красотой и достоинством, мудростью и силой управляет делами Государства в согласии с высокими идеалами Рыцарства; бесконечными ночами взыскует она удовлетворения, последнего отрешения, избавления, коего по временам почти настаивает, однако в последний момент, потерпев фиаско и упустив плотскую радость, погружается обратно в агонию беспросветности, страдания, самоненавистничества, осознания, смятения. Утро за утром восстает она, пресекая всякую собственную печаль, дабы вновь исполнить

свои обязанности, читать, подписывать, жаловать, обсуждать, принимать эмиссаров и ходатаев, окрещивать корабли, открывать монументы, посвящать сооружения, присутствовать на празднествах и церемониях, являть себя народу живым символом незыблемости Державы. Вечером же она станет изображать перед гостями хозяйку, беседовать с ближайшими к ней придворными, друзьями и родственниками (включая девятерых ее детей); а оттуда — опять в постель, в бездну поиска, в пучины экспериментов; и когда, как обычно, завершатся они неудачей, она вновь будет лежать без сна и иногда оглашать покои жалобами, не ведая, что тайные залы и переходы обширного дворца ловят и усиливают ее глас, донося его почти до любого уголка. Тогда Королевский Двор разделяет ее печаль и ее бессонье.

«О, томление! Да я набила бы лоно свое планетами, если б могли они заполнить пустоту во мне! Сия пытка слишком ужасна. Я вынесла бы любую иную. Неужто нет на свете ничего и никого, могущего насытить мою потребность? Если бы, умирая, я испытала освобождение, хоть разок, — я по своей воле сдалась бы любому кошмару... Но нет, се измена. Мы — Государство. Мы служим, мы служим... Ах, найдись в целой Державе хоть кто-то, кто послужил бы нам...»

В огромной соболье-бобровой опочивальне возлежит, глядя облеченными в шелк руками обеих обнаженных жен, лорд Монфалькон; он вслушивается в речи, что доносятся до него шептанием и редким вскриком, и он знает, что речи сии срываются с уст Королевы, пребывающей в четверти мили отсюда в своих покоях. Она — дитя, надежда, кою он с безумным идеализмом охранял в течение всей убийственной, эйфорической тирании и чудовищного правления ее отца. Лорд Монфалькон вспоминает свои верноподданнические попытки отыскать ей любовника — неудачу, изрядную досаду. «О, мадам, — вздыхает он легко, чтобы не услышали возлюбленные, —

будь вы всего только Женщиною, не Альбионом. Будь ваша кровь иною». И пододвигает жен поближе, дабы кудри каждой укрыли его уши и препнули его слух, ибо он не станет плакать нынешней ночью — сей храбрый старец, ее Канцлер.

«...Никто не погубит меня. Ничто не воскресит. Неужто так и было тысячу лет? Три сотни и шестьдесят пять тысяч больных дней и гиблых ночей...»

Крадущийся новооткрытым туннелем, дабы умыкнуть еду из дворцовой кладовой, Джеффраим Саллоу, изгой и циник с маленьким черно-белым котом, единственным другом, на плече замирает, ибо слова бьют в барабаны его перепонок, бьют по костям, бьют по утробе.— Сука! Вечно у нее течка, только вот ублажиться ей невмочь. Однажды ночью, обещаю, я вкрадусь и обслужу ее как следует — если не к ее, то к собственному удовольствию. Да я отсюда чую фимиам ее впадины. Он-то и приведет меня к ней.— Котик еле слышно мяукает, напоминая Саллоу о цели путешествия, и погружает когти в тонкий перелатанный хлопок. Саллоу обращает кроткий, трусливый глаз к компаньону и пожимает плечами.— Хотя многие пытались, и самыми разными способами. Она — лабиринт большей частью изученный, лишенный центра.— Он скользит вдоль металлического изгиба, достигает каменного воздухопровода, ведущего к забытой клоаке, озирает галерею скрипучих балок и капающих труб, семенит по грязи, его свеча оплывает жиром, он ныряет в проем с трухлявыми краями, что похож на дыру в конуру. Его нос дергается. Саллоу ловит струйку аромата свежезажаренного мяса. Облизывает жадные губы. Кот мурлычет.

— Не слишком-то мы близко к кухням, Том.— Саллоу хмурится, потом дает коту спрыгнуть и юркнуть в маленькую дверь, и следует, извиваясь, за ним, пока оба не

упираются в резную деревянную решетку, за коей гарцует в камине огонь. Изгой приближает глаз к отверстию. Он видит один из гигантских дворцовых залов. Прямо напротив на колоснике увядает пламя. Длинный стол усыпан останками пиршества — и отдельными пирующими, лежащими на столе и подле. Саллоу зрит говядину, баранину и дичь, вино и хлеб. Он пробует панель на прочность. Та трещит. Он ищет щеколды, а находит гвозди. Берется за короткий нож, свисающий со шнурка на шее, подтягивает его к верхнему краю решетки и использует как рычаг, давя на гвоздь так, что та грозит расщепиться. Обрабатывает ножом периметр панели, ослабляя ее. Затем, вцепившись в решетку пальцами, толкает ее свободной рукой и отделяет от стены. Втащив внутрь, бережно ставит решетку позади себя, после чего смотрит вниз. До каменных плит пола далековато; вернуться тем же путем не получится, разве что придвинуть мебель, но тогда делается ясно, как он сюда попал. Кот, презрев хозяйскую осмотрительность, полурыча-полуурча взвизгивает и одним длинным прыжком достигает стола. Решение принято за Саллоу, и тот перемахивает через край, повисает на пальцах, затем падает, задевая скамеечку, не замеченную с высоты, и обдирает голень. Бранится и прыгает на одной ноге, сует нож в футляр под рубашкой, разворачивается и спешно хромает к столу — котик уже насел на индейку. В туннелях всегда зябко, и Саллоу осознает всю степень своих лишений, лишь ощутив жар огня. Он несет добрую часть оковалка к очагу, усаживается пред самым камином и начинает жевать, косясь одним глазом на похрапывающих гостей — судя по костюмам, увеселителей, что немного переувеселились. Внезапно их фигуры озаряются светом, Джефраим в испуге замирает, затем поднимает взгляд к оконным проемам под крышей; в его собственных владениях окна весьма непривычны. Лунное сияние заливает помещение. Белые клоуны и лоскутные харлекины покоятся на серебряной парче, точно

мертвые гуси на снегу; их личины забрызганы вином, кое по мере того, как расплывается месяц, из черного делается красным. Напудренные лица в масках, покоящиеся на вытянутых руках, перекошены; багровые рты разверзаются в зевоте, накрашенные брови подрагивают, и Саллоу воображает, будто все они убиты, и ищет оружие, но, узрев только хлопушки, надувные дубинки и деревянный огурец, унимается и всецело отдается мясу, ощущая, как раздувается желудок, и вздыхает, обратив вновь румянящееся, перепачканное жиром лицо к умирающему огню, и слизывает аппетитный мясной сок с искривленных губ (неизменная улыбка спасла его от стольких же бед, сколько грозила породить). Котик первым поднимает взгляд, не выпуская из челюстей зажаренное крыло, и Джефраим тотчас слышит гром шагов. Он бросается за вином, натывается на слишком легкую бутылку, хватая еще одну, почти полную, смотрит на дверь, понимает, что с мясом и вином не ускользнешь, и ныряет под стол, потревожив всхрапывающего Дзанни в блузе, кислой от рвоты; левая рука актера зарылась в одежды сомнительной Исабеллы, от которой просто разит фиалками. Скрестив ноги возле собутыльников, Джефраим наблюдает за далекой дверью; в нее, мрачно топоча, входит некто, кого он узнаёт, — никто иной не напялил бы столь разукрашенные и бесполезные доспехи в столь поздний час, если того не требует какая-нибудь церемония. Се сир Танкред Бельдебрис, Воитель Королевы, как водится, несчастный — он лишен радостей наравне с Королевой, коей служит, ибо Глориана взяла с него слово не вершить насилия ее именем, а также именем Рыцарства. Сир Танкред встает как вкопанный и озирает холл. Он направляется к зеркалу, что отражает огонь. Длинные усы сира Танкреда никнут, и он пытается подкрутить их, пропуская меж оголенных пальцев (причудливо выступающих из груди облекающего Воителя металла). Он добивается успеха, но не слишком значительного. Вздыхает, с лязгом

движется к столу и, полагает Джефраим, наливает себе чашу вина. Изучая золотые наколенные шипы благородного рыцаря, поднимает свою бутылку и присоединяется к сиру Танкреду на глоток-другой.

Скрипит дверь, и Саллоу, вывернув шею, наблюдает сперва трио бодро пылающих свечей, а потом и контуры девушки, несущей канделябр. На ней громоздкая мантилья, накинута поверх едва ли менее громоздкой ночной сорочки. Лицо девицы в тени, но зрится юным и нежным. Над ним в придачу громоздится темно-рыжая грива. С губ девы срывается тяжелый нетерпеливый вздох.

— Скоры вы, сир Танкред, отступить в глупую хандру. Сир Танкред оборачивается, побряцывая.

— Вы вините меня — но именно вы, леди Мэри, презрели мои объятия.

— Я всего лишь устрашилась, что безделки ваши пронзят меня, и предложила избавиться от доспеха прежде, чем обниматься. Я отвергаю не вас, Танкред, милый мой, но ваш костюм.

— Доспех есть знак моего призвания. Он такая же часть меня, как душа, ибо обнаруживает ее природу.

Леди Мэри (Саллоу гадает, не младшая ли она из дочерей Жакотт) скользит по полу, сближаясь с сиром Танкредом, и Джефраима обвеивает исходящее от нее тепло. Он уже вожделеет ее, уже строит с некоторой безнадежностью планы, чтобы в итоге заняться с нею любовью.

— Танкред, возвратимся. Старый Год минул, хоть я и клялась, что он пройдет не прежде, чем мы с вами разделим любовь. Давайте, молю вас, вступим в Новый Год, кончив Старый должным образом.

Дзанни стонет и содрогается. В его глотке булькают остатки блевотины. Он кашляет, вновь марая свою блузу. Сильнее сжав то, что он держит внутри Изабеллы или на ней, Дзанни выводит громкие, чуть самодовольные рулады, беспокоя любовников.

— Сердечко мое, — щебечет юная Мэри Жакотт.

— О, в самом деле, сердечко мое! — отвечает Саллоу очень спокойно.

Мэри наваливается на руку Танкреда.

Не в силах сдержать порыв, Саллоу берет руку Дзанни и простирает ее к ноге Воителя, а сам тянет Танкреда за железную лодыжку; рыцарь буксует, моментально пинает руку, видит невинные пальцы Дзанни и приостанавливается, дабы запихнуть их утонченным железным носком обратно под стол. Саллоу сделал все, что, кажется ему, мог сделать, и грустно взирает на любовников, а те, шурша и гремя, удаляются в покои леди Мэри.

Радуюсь избавлению от компании Дзанни, Саллоу поднимается из-под стола, отыскивает пробку, закрывает бутылку и сует ее за пояс, тихим свистом окликает Тома, бережно бросает кота в проем, встает на цыпочки у скамейки, поцарапавшей ему голень, цепляется длинными пальцами за выступ, подтягивается, исчезает в дыре, после чего по возможности аккуратнее возвращает панель на место, ощущая туннельный холод впереди и уже раскаиваясь в поспешном бегстве от огня. Он вздыхает и ползет своим путем.

— Вот оно что, Том, мы празднуем Канун Новогодья.— Однако Том уже далеко, он преследует мышь и не слышит хозяина. Извиваясь вслед за проворным зверем, Саллоу слышит высокий, будто флейтой рожденный вопль.

Все сие время мастер Эрнест Уэлдрейк сидел в углу зала. Он видел, как пришел и ушел Саллоу, он подслушал любовников, но был слишком пьян, чтобы шевелиться. Ныне поэт встает, находит перо там, где бросил его час назад, находит книжку для записок, в коей писал вирши, оттаптыгивает пальцы Дзанни, уверяется, что сокрушил мелкого грызуна, хватается себя за почти багряные кудри и издает новый вопль:

— О, зачем разрушенья вручен мне удел?

Он покидает холл в поисках чернил. Именно за чернилами поэт вышел ранее из своих покоев, расположенных

в миле или чуть дальше отсюда, ибо сел сочинять обличительный сонет бабенке, что утром разбила его сердце — и чье имя теперь нейдет ему на ум. В мерцании ламп поэт шествует по коридорам, как журавлик с огненным гребешком, вышагивающий по мелководу и ищущий рыбу: руки по швам, будто накрахмаленные крылышки, перо за ухом, книжка в мошне на поясе, глаза шарят по полу, язык заплетается в агонии аллитерации: «Сладкая Сара сидела на светлой ступеньке... Пахаря сердце пронзила прегордая Памела споро... Доля дурная досталась Дафне намедни...» — в попытке припомнить имя оскорбительницы. Он сворачивает раз-другой и обнаруживает себя близ наружной двери. Его приветствует усталый страж. Уэлдрейк дает знак, дабы дверь открыли.

— Там снежно, сир,— добродушно объявляет страж и сутулится в мехах, подчеркивая сказанное.— Видать, холоднее ночи зимой не будет, и река грозит замерзнуть.

Мрачно мастер Уэлдрейк дает новый знак, выговаривая:

— Температура есть лишь состоянье ума. Гнев и иные страсти согреют меня. Я спущусь в Город.

Страж стаскивает накидку с плеч. Та поглощает крошечного поэта.

— Молю вас, сир, не скиньте ее, иначе на заре сделаетесь статуей в садах.

Уэлдрейка захлестывают чувства.

— Вы благороднейший служака, сын Альбиона славный, смелый, бесспорно, Бодикки безупречной благой потомок, воитель вы, чьи добродетельны деянья, и вам они премного славы принесут в сравненье с Уэлдрейка стишатами хромыми. Благодарю вас, о собрат, тепло проститься нам пришла пора.— С такими словами он бросается сквозь проем в черную, спазмическую ночь, в метель, и несется по тропке, что вьется в направлении редких огней, по-прежнему горящих в большей частью дремлющем Лондоне. Стражник на миг обхватывает себя

руками, глядит вслед поэту, потом с треском хлопает дверью, сожалея о великодушии, кое, он знает, к утру забудется навсегда, однако же суеверно радуясь тому, что начал год с хорошего поступка и тем самым почти определенно заслужил немного ответной удачи.

Что же до удачи мастера Уэлдрейка, она влечет его, беспамятливого, через два сугроба, по замерзшему пруду, через ворота в стене и в пригородные проулки, еще не столь заснеженные. Поэт ведом по знакомому пути скорее инстинктом, нежели рассудком, и приходит к огромному ветхому зданию; окна заперты ставнями, над арочным входом торчит палка с плющом на конце, вывеска на двери извещает, что внутри находится таверна «Морская Коняга». Свет за ставнями и шум за дверьми сообщают мастеру Уэлдрейку, что здесь, в любимейшем питейном заведении и общеизвестном гнусном притоне, его ожидают донельзя чаемое им радушие и утехи, коих жаждет кровь; он стучится, он допущен внутрь, он идет через опоясанный многоярусными мрачными галереями двор, входит в общую комнату и тонет в вони и гаме грубого гогота, пошлого глума и скверного вина: среди здешних головорезов, среди шлюх, среди вопиющих, циничных, злых, отчаянных мужиков и баб, обитающих в сем крысином логове на берегу, израненному поэту проще всего освободиться от всякого бремени. Он роняет меха стражника на пол, требует вина и, предъявив золото, его обретает. Знакомые девки, приблизившись, чешут ему спину и угрожают усадками, по коим он томится; он улыбается, кланяется, надирается; он приветствует тех, кого узнал, и тех, кого не узнал, с равной смешливостью, воодушевляя на издевку и презрение, хихикает на каждый выпад, орет от блаженства после каждого щипка и толчка, а с верхней галереи за ним наблюдают спокойные, жестокие глаза мужчины, что делит бутылку с сарацином в бурнусе, с бордищей и бессчетными кольцами, несколько обеспокоенным тем, как толпа обращается с Уэлдрейком.

Сарацин подается к компаньону.

— Сдается мне, сему джентльмену желают навредить.

Тот, чье лицо почти скрыто тяжелыми черными локонами и полями заморского сомбреро с истрепанными вороньими перьями, чье тело завернуто в черный, изгвазданный матросский плащ, качает головой.

— Они кривляются ему на потеху, сир, уверяю вас. Так они зарабатывают его золото. Се Уэлдрейк, из дворца. Протеже Королевы, отпрыск одной из знатных сандерлендских семей, любовник леди Блудд. Большую часть времени он проводит в подобных тавернах — с тех еще пор, как учился в Университете Кембриджа.

— Вы столь давно знакомы?

— Вестимо, но он со мной так и не познакомился.

— Ах, капитан Квайр! — Сарацин смеется. Он пьян, ибо непривычен к вину. Се статный юный купец, скромный шейх из Арабии, честолюбивейшей страны под протекцией Королевы. Ему, несомненно, льстит дружество капитана Артурия Квайра, ибо тот знает Лондон сверху донизу и ведает, где в сем городе сыщутся лучшие из наслаждений. Мавр полуподозревает, что капитан нацелен на его кошелек, однако он имеет при себе лишь скромную сумму, коей спутник может располагать за уже добытое удовольствие. Мавр хмурится. — *Вы* решились бы обокрасть меня, Квайр?

— Ваша честь, о чем вы?

— О моем злате, само собой.

— Я не вор. Капитан Квайр холоден, он скорее хандрит, нежели оскорбляется.

Сарацин тянется к винному кубку, любопытственно наблюдая за тем, как две шлюхи ведут мастера Уэлдрейка вверх по лестнице, вокруг по галерее и исчезают в проходе.

— Арабия набирает мощь вседневно, — молвит юноша многозначительно. — Мудрость обязана подсказать вам, что ее негодяи следует поощрять, а выгодность тор-

говых союзов — обдумать. Наши флоты владычествуют в Азии, уступая лишь флотам Альбиона.

Квайр мечет в него взгляд, ища иронии. Мавр вздымает сверкающую руку и с улыбкой демонстрирует еще больше золота.

— Я говорю о взаимовыгоде, не более. Общеизвестно, как сильно наш юный Калиф любит Королеву Глориану. Ее отец покорил нас, а она — освободила. Она возвратила нам гордость. Мы остаемся ей благодарны. Хранить ее протекцию — в наших политических интересах.

Снизу взлетает вдруг вопль, и на миг языки пламени взвиваются с ревом; кто-то швырнул в решетку камина светильник. Два буяна, абордажная сабля и дирк, ратоборствуют среди скамей. Один высок и строен, в потрепанном бархате; другой среднего роста, в общем лучше фехтует и, поскольку облачен в кожу, почти наверняка профессиональный солдат. Мавр подается вперед, к перилам, а Квайр откидывается назад, щупает впалую щеку, сдвигает густые черные брови, погружается в размышления. Между тем мастер Аттли, хозяин таверны, действует с привычной скоростью, топоча по грязному полу к двери. Он круглолик и одутловат, сей кабатчик; из-за черных точек под кожей, подобных фигам в вареном пудинге, он будто ряб. Дверь открыта, помещение остужается. Мастер Аттли рассеивает столпотворение так и эдак, точно пес унимает отару, и расчищает путь дуэлянтам, а те шаг за шагом отступают к двери и растворяются, сцепившись, во мгле. Мастер Аттли задвигает засов и опускает затвор. Вглядывается в шипящий огонь. Нагибается, чтобы отыскать меж циновок и опилок пивные кружки и тарелки. Одна из шлюх пытается помочь, толкает его в плечо и получает тычок кувшином прежде, чем кабатчик возвращается в свое логовище прямо под галерей, на коей сидят капитан Квайр и сарацин. Пламя отбрасывает высокие тени, и таверна внезапно утихомиривается.

— Может, поищем местечко потеплее? — предлагает мавр.

Квайр съезживается в кресле.

— Мне и тут тепло. Вы вещали о взаимной пользе?

— Я предполагаю, что у вас есть доля в морской торговле или, самое меньшее, команда корабля, капитан Квайр. В Лондоне можно раздобыть сведения, кои никто не вздумает предоставлять мне, но вам добыть их несложно...

— Вот как. Вы хотите, чтобы я на вас шпионил. Заранее узнавал о чьих-либо замыслах, дабы вы слали корабли вперед и перехватывали груз соперника?

— Я не намеревался блазнить вас шпионством, капитан Квайр.

— Шпионством сие и называется.— Опасный момент. Не оскорблен ли Квайр?

— Разумеется, нет. Я предлагаю общепринятую практику. Ваши люди делают в портах то же самое.

Тон мавра умиротворяет.

— Думаете, я из тех, кто шпионит за единоземцами? Арабиец пожимает плечами и отвергает вызов.

— Вы слишком умны для сего, капитан. Вы умышленно водите меня за нос.

Тонкие губы Квайра расходятся в улыбке.

— Вестимо, сир, но вы далеко не откровенны.

— Если вы так считаете, прекратим нашу беседу.

Капитан трясет головой. Под сомбреро раскачиваются длинные густые локоны.

— У меня для вас новость: я не вкладываюсь в корабли. Я не командую кораблем. Я даже не офицер корабля. Я не моряк. Я не служу ни в армии на берегу, ни на флоте в море. Я Квайр и ничто, кроме Квайра. Оттого я вовсе не могу вам помочь.

— Полагаю, вы можете более чем помочь.— Выразительно, но неопределенно.

Капитан дыбит ближайшее к сарацину плечо и опирает на него подбородок.

— И вот вы делаетесь откровенны, м?

— Мы платим за любые сведения касательно передвижения кораблей Альбиона, военных либо гражданских. Мы платим за ходящие по Двору слухи касательно официальных кампаний. Особенно хорошо мы платим за исчерпывающие известия о личной точке зрения Королевы Глорианы. Мне сообщили, что имеются средства, позволяющие сию точку зрения подслушать.

— В самом деле, милорд? Кто же вам сие сообщил?

— Вельможа, посетивший Багдад в прошлом году.

Квайр втягивает губы, словно обдумывая сказанное.

— Как вы вольны заметить, я небогат.

Мавр притворяется, будто едва сие обнаружил.

— Новый костюм пошел бы вам на пользу, сир, ваша правда.

— А вы не дурак, милорд.

— Хотелось бы думать.

— И вы сразу уяснили себе, что я не из простолюдинов и не из торговцев.

— В Альбионе есть люди определенного нрава, раздражающие беднякам. Никогда не знаешь...

Квайр кивает. Прочищает глотку. Между тем по галерее движется костлявый кривоzubый злодей в гетрах, отороченных кроличьими шкурками, в подбитом ватой изорванном дублете и картузе из лошадиной шкуры, надетом на уши. У злодея имеется отобранный у стражника меч; с меча частично и неумело отскребли ржавь. Походка злодея нетверда не столько вследствие выпитого, сколько, видимо, из-за некоего естественного недомогания. Кожа его синееет, указывая на то, что он только что вышел из ночи, однако глаза горят.

— Капитан Квайр?

Как если бы его вызвали на поединок, как если бы он предвкушал какое-то эпикурейское злодейство.

— Лудди. Ты вовремя, будешь моим свидетелем. Перед тобой — лорд Ибрам Багдадский.

Лудди кланяется, опершись немытой рукой о столешницу. Лорд Ибрам неуверенно переводит взгляд с него на Квайра.

— Лорд Ибрам, чтоб ты знал, мастер Лудди, только что нанес мне оскорбление.

Мавр наконец оживляется.

— Капитан Квайр, сие инсинуация! — Он не может встать, ибо его останавливает стол. Не может уйти, не протолкнувшись меж Квайром и Лудди, со всей очевидностью привычным сообщником капитана.— Значит, быть распре,— говорит он, отдергивая рукав с правой руки.— Предумышленной, не так ли?

Капитан Квайр говорит холоднее прежнего:

— Он предложил мне шпионить за самой Королевой. Он утверждает, что юный сир Ланцалот Чайн открыл ему потребные для сего средства.

— Ах! — восклицает лорд Ибрам.— Вы всё знаете. Я в ловушке. Славно.— Он изготавливается оттолкнуть стол, но Квайр крепко его держит.— Я признаю, что пытался убедить вас стать соглядатаем, капитан Квайр, и что попытка была глупа — вы уже профессионал, ясно как день. Однако я уверен, что вы еще и отменный дипломат и поймете: будь я пленен, либо пытаем, либо умерщвлен, последствия не заставят себя ждать. Мой дядя — зять эмира Марокко. Узы родства связывают меня и с лордом Шаарьяром, послом в Альбионе, вскоре он явится сюда. Ну а я ухожу, признав, что рассудок мой помутился.

Только теперь он пытается встать. Он позволяет накидке спасть, дабы подчеркнуть свою небезоружность. Он совершил очередную ошибку, ибо Квайр кратко и победительно усмехается.

— Но вы, лорд Ибрам, кроме прочего, меня оскорбили.

Лорд Ибрам кланяется.

— В таком случае приношу извинения.

— Не пойдет. Я верноподданный Королевы. Вряд ли у нее наберется множество слуг вернее капитана Квайра. Надеюсь, сир, вы не трус.

— Трус? О! Нет, я не из трусливых.

— Тогда дозвоьте...

— Что? Сатисфакции? Здесь? Вы желаете скандала, да, капитан Квайр? — Сощуриив темное око, мавр натягивает блестящую самоцветами перчатку, после чего его ладонь падает на разукрашенный эфес ятагана. — Вы с вашим сообщником надеетесь меня убить?

— Я призову мастера Лудли в секунданты и предоставлю вам возможность найти такового себе. Мы сразимся в каком-либо укромном месте, если вам того хочется.

— Вы намерены биться честно, капитан Квайр?

— Я же сказал вам, лорд Ибрам. Вы меня оскорбили. Вы оскорбили мою Королеву.

— Нет, сего я не делал.

— Вы опорочили ее имя измышлениями.

— Я говорил про обычные слухи. — Сарацин осознаёт, что поступился гордостью, и прикусывает губу, когда капитан Квайр вновь усмехается ему в лицо.

— Недостойно, а уж великому лорду и подавно, верить таким сплетням. Ну а распространять пересуды черни — уж точно бесчестно.

— Сие я признаю. — Мавр ведет плечами. — Славно, я буду биться. Мне должно отыскать секунданта из отребья? Нет ли здесь джентльмена, коего можно призвать?

— Один лишь мастер Уэлдрейк. Желаете узнать, сколько нектара он потребил? — Квайр остается недвижно сидеть за столом. Лудли отступает, дабы лорд Ибрам мог пройти. Капитан ступает по галерее в направлении коридора, в коем исчез Уэлдрейк, но мавр его удерживает. — Бедняга ни на что не способен.

— Что ж, довольствуйтесь одним из сих, — Квайр кивает на контингент внизу. — За звонкую монету сойдет любой.

Мавр перегибается через перила.

— Мне требуется секундант для дуэли. Крона тому, кто пойдет со мной. — Он показывает серебряную монету.

Лиходей в коже, недавно ходивший драться на улицу, успел вернуться, предположительно через иной вход. У него багровая рожа с парой длинных шрамов на лбу и кровоподтек на лысом черепе; ему рассекли ухо, и он приложил к нему губку.

— Я пойду. Лучше свидетелем, чем участником.

Квайр улыбается.

— Что случилось с твоим противником?

— Сбежал, сир. Но кое-что после себя оставил.— Буян шарит по ближнему столу и показывает отрезанный нос.— Я его откусил. Он хотел его вернуть, найти цирюльника и пришить на место. Я честно его выиграл и отдавать отказался.— Заготовав, он мечет нос в огонь, но тот, недолетев, подрумянивается на изразце.

Лорд Ибрам обращается к капитану Квайру:

— Вы же знаете, каков я? Сир Ланцалот соблаговолил сказать вам?

— Что вы отменно владеете мечом?

— То бишь, вы полагаете себя лучшим фехтовальщиком?

Квайр не соблаговоляет ответить.

Отряд покидает таверну с черного входа и продвигается вдоль реки к ожидающей до сей поры карете. Именно она доставила Квайра и Ибрама в «Морскую Конягу». Дрожа, все карабкаются внутрь, и Квайр инструктирует возницу, как добраться до полей Уайт-Холла. Он единожды смотрит за окно на широкую, черную реку. На нее падает снег. Мстится, что тот медлительнее обычного. Сквозь белую пелену Квайр видит еле намеченный силуэт, огни небольшого корабля, слышит плеск буксирных весел, что тянут судно в док Чаринг-Кросса. Квайр глядит на пасмурного мавра, чей гнев явно обращен прежде всего внутрь, подмигивает Лудди, кривозубо скалящемуся в ответ, но не переводит взгляда на солдата с покрасневшей губкой, а тот, явно отрабатывая серебро, старательно вовлекает лорда Ибрама в дружеский разговор.

Карета грохочет по мерзлым рытвинам и поглощается тьмой.

На борту корабля, идущего столь поздно и с такими трудностями вверх по Темзе, сир Томашин Ффинн упирает одну ногу из плоти и вторую из резной кости в тимберсы своего мостика, дивясь тому, что выдох не замерзает перед глазами. Он надеется, что рассветет прежде, чем корабль очутится в доке, ибо не доверяет ведущим его буксирщикам. Огней вокруг не так уж и много, видимые — заглушены ненастьем.

Снегопад погребает весь корабль, арсенал, такелаж, фальшборты и палубы. Ложится на шляпу Тома Ффинна, его плечи; угрожает скользнуть между сапогом и чулком и обледенить оставшуюся ногу, так что и ее придется отнять (другую он отморозил в знаменитом путешествии за Полярный Круг).

Том Ффинн возвращается после морского разбоя — он называет его сбором пошлины — в Мексиканском море. Он надеялся прибыть к Йольскому Празднеству, затем к Новогоднему Маскераду, но, пропустив то и другое, пребывает ныне в скверном настроении. Все-таки он радостно взирает на свой Лондон, на далекий огромный сверкающий дворец, и даже благодарит парня, что принес с камбуза оловянный кубок горячего рома. Делает глоток, и металл обжигает скрытые бородой губы; Ффинн мычит, и притоптывает, и прикрикивает резким фальцетом на буксирщиков, когда ему сдается, что корабль идет слишком близко к нависающим набережным. Тщедушный, корпулентный, багроволицый и помаргивающий сир Томашин обладает при всей своей внешности одним из наиболее пронизательных умов в Альбионе. Адмирал в двадцать шесть, он плывал с военным флотом Короля Герна в прежние дни триумфа и грабежа и именно при Герне был прозван Гадом Томом Ффинном — в эпоху, гадами изобиловавшую. Однако его любовь к Королеве ничуть не слабее любви лорда Монфалькона, еще одного из немногих,

переживших правление Герна с некоторой честью, и одного из немногих, сохранивших должности при Глориане. Пусть дядя Тома Ффинна бросил к ногам Герна Маврские Калифаты, однако сохранил их, привил им почти тотальную зависимость от Альбиона в том, что касается защищенности и выживания, сам Том Ффинн. Два бунта на огромном континенте Девствии также подавлены Ффинном, удостоверившим тем мощь своей страны; равно и в Катае, в Индии, во всех азийских царствах и на африкских берегах Том Ффинн сражался с абсолютной свирепостью, дабы подтвердить господство Альбиона над землями, сделавшимися ныне протекторатами Глорианы, кои она добросовестно оберегает, возбраняя насилие и взыскавая справедливости для всех, за кого считает себя в ответе. Непостижимые дни для Ффинна, что проникся некогда благоразумным доверием к страху как лучшему инструменту для поддержания Порядка во вселенной; полагал весь новый Закон ненужными издержками, расточительным промыслом, коим, более того, злоупотребляли те же, кому он назначен содействовать; и, однако же, сир Томашин научился уважать пожелания своего Матриарха, неохотно практикует бездеятельность там, где Королева особо воспрещает его телодвижения, и пробавляется исследовательскими путешествиями, включающими скромное попутное пиратство, да и то лишь в случае, если обираемые суда не могут похвастать протекцией наивеликодушнейшей из монархов. Трюмы парусника Ффинна «Тристрам и Исольда» в настоящее время полны: наполовину — сокровищами какого-то западноиндского императора, чьи города Том Ффинн навестил, странствуя по широкой реке, заманившей его на сотни миль в глубь материка, и наполовину — тканями и слитками, что реквизированы у двух иберийских каравелл после длившейся пять часов стычки у берега Калифорнии, западнейшей из девствийских провинций. Том Ффинн намерен вручить сей груз Королеве, но лелеет небеспричинную надежду

на то, что Королева позволит распределить бóльшую долю меж офицерами и матросами «Тристрама и Исольды». Ему не терпится получить аудиенцию и по другой причине: он везет весть, коя, он знает, заинтересует Монфалькона и, быть может, обеспокоит Королеву.

Ффинн осознаёт, что заря воцарилась незаметно, настолько густ снегопад. Постепенно горизонт бледнеет, являя дворец, подобный гигантской альпийской вершине, полузавьюженный Лондон, Темзу, лед на коей образуются даже сейчас, когда по ней идет корабль.

Мир бел и безмолвен. Том Ффинн кончает притоптывать, дабы в изумлении узреть столицу Альбиона в сей День Новогодья, начинающий тринадцатый год мирного правления Глорианы, если верить старому Доктору Ди, королевскому астрологу, наиболее значительный и в ее жизни, и в истории Державы.

Том Ффинн делает мощный, возвышенный выдох. Он схлопывает рукавицы и стряхивает с черной бороды крохотные сосульки, мыча от радости при виде родного порта во всем его гордом, мерзлом великолепии; во всем его скоротечном спокойствии.